

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-143-155>

«СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ — ГЛАВНОЕ, ЧТО МНОЙ ДВИГАЛО»: ОБРАЗ МАЙОРА ЖИЛИНА В РОМАНЕ «АСАН» В. С. МАКАНИНА

Ярослава Олеговна Гудзова

Московский международный университет, Москва, Россия

Аннотация. В фокусе исследования — роман «Асан» В. С. Маканина, в частности образ майора Жилина. Символическая семантика этого образа обретает в повествовательном поле романа отдельное существование в облике мифологического бога Асана. Неоднозначный и емкий образ синтезирует «авторские» доминантные типы в новой модели характера и поведения. Идею живой души в «Асане» поддерживают сложный повествовательный дискурс, концептуальные мотивы и символы, а также мощнейшая литературная традиция, заключенная в ономастическом, сюжетном и архетипическом пластах произведения.

Ключевые слова: *Маканин, Асан, синтетический образ, повествовательный дискурс, символические образы, литературная традиция*

Для цитирования: *Гудзова Я. О. «Создание образа героя — главное, что мной двигало»: образ майора Жилина в романе «Асан» В. С. Маканина // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 1. С. 143–155. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-143-155>*

Original article

“CREATING AN IMAGE OF A HERO IS THE MAIN THING THAT MOTIVATED ME”: THE IMAGE OF MAJOR ZILIN IN THE NOVEL “ASSAN” BY V. S. MAKANIN

Yaroslava O. Gudzova

Moscow International University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The focus of the study is the novel “Asan” by V. S. Makanin, particularly the character of Major Zhilin. The work deals with a portrait of a synthetic hero, and the plot with a highly principled artistic definition of the image. The aim of the analysis is to identify various aspects of a complex image that cause polar interpretations. The methods of work were based on a multimethodology including the use of comparative-historical, typological, structural-semantic methods combined with a systematic approach. The symbolic semantics of the image of the narrative acquires an individuality of the mythological god Asan. The multi-valued, structural, and denotative meaning of a complex image synthesizes “author's” dominant types in a new model of the character and his behavior. The idea of a living soul in the novel is supported by a complex narrative discourse, conceptual motifs, and symbols, as well as a powerful literary tradition expressed in the onomastic, plot-driven and archetypal layers of the work.

Key words: *Makanin, Asan, synthetic image, narrative discourse, symbolic images, literary tradition*

For citation: Gudzova, Ya. O. (2026). "Creating an image of a hero is the main thing that motivated me": the image of Major Zilin in the novel "Assan" by V. S. Makanin. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 1, pp. 143-155. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-1-143-155>

Введение

Роман «Асан» со времени своего появления в 2008 г. вызывает самые разноречивые толки, побуждая сторонников и противников произведения к резким, не всегда корректным высказываниям, категорическим оценкам и взаимоисключающим интерпретациям.

Автора произведения обвиняли в многочисленных фактических ошибках, связанных с незнанием реалий чеченской войны. Вопиющие отступления от жизнеподобия виделись профессиональным и непрофессиональным интерпретаторам в сюжетах о мобильных телефонах, бензиновом бизнесе или продаже боевикам поношенных солдатских сапог, непригодных для использования в горах.

Критики, лояльно настроенные к роману, обращали внимание на то, что «Владимир Маканин – прозаик, склонный к тонким „сдвигам“ изображаемой реальности», и поэтому то, что неискушенный читатель наивно воспринимает как ляпы, на самом деле законная в художественном повествовании литературная условность [Акундинов, 2009].

А. Латынина одной из первых связала истоки сюжетных небрежностей и несостыковок фабульного повествования «Асана» с его жанровой природой. Критик утверждала, что реалистический роман – лишь оболочка для созданной Маканиным притчи [Латынина, 2008].

Литературоведы давно обратили внимание на притчевость самобытного стиля писателя (А. Бочаров, И. Роднянская, Г. Егоренкова, В. Бондаренко, А. Генис), которая, с одной стороны, демонстрирует жанровые трансформации в современной литературе, с другой – открывает неограниченные возможности для художественного анализа действительности. Здесь можно говорить о сознательном отказе от правдоподобия и достоверности в пользу «метафоры мира»: Маканин облекает откровенно злободневные темы во всечеловеческие одежды притчи [Егоренкова, 1998, с. 190].

Указанная особенность – ключ к пониманию зачастую противоположных откликов на талантливое произведение: от преувеличенно восторженных («лучший роман XXI века») до неоправданно разочарованных («худшая книга писателя»). Исследователь Т. Маркова подчеркивает: «Через „узкое жерло“ притчи писатель осуществляет необходимый ему прорыв к идеальным смыслам, и именно притчевость его текстов представляет практически неограниченные возможности для их многоуровневого прочтения, зависящего исключительно от житейского, интеллектуального и духовного опыта читателя» [Маркова, 2012, с. 246].

В этом смысле роман «Асан» представляет богатейший материал для разнообразных толкований и интерпретаций. Один из векторов изучения произведения возник вроде бы сам собой. Критики и литературоведы, которые никогда не отказывали писателю в своеобычном и весьма интеллектуальном таланте («чужой», «иной», «другой», «писатель-аналитик»), определили «Асан» как произведение, «претендующее на оригинальность прочтения исторической ситуации» [Козлов, 2011, с. 93].

Исследование и его результаты

Своеобразным подходом к роману можно считать повесть В. С. Маканина «Кавказский пленный», написанную в 1994 г. и опубликованную годом позже в журнале «Новый мир». Образ подполковника Гурова, который обменивает оружие на «провиант» для своих солдат, во многом превосходит сюжетные коллизии и образ главного героя «Асана»: *«Жизнь продолжается, и подполковник Гуров помогает ей продолжаться <...>. Обменивая оружие, он не думает о последствиях. При чем здесь он?.. Жизнь сама собой переменялась в сторону всевозможных обменов (меняй что хочешь на что хочешь) — и Гуров тоже менял. Жизнь сама собой переменялась в сторону войны (и какой дурной войны — ни войны, ни мира!) — и Гуров, разумеется, воевал. Воевал и не стрелял. <...> Он поладит и с этим временем, он соответствует. Но... но, конечно, тоскует»* [Маканин, 2003, с. 357–358]. Тема этого «соответствия / несоответствия» и вызванного им трагического разлада станет главной в романе «Асан».

Действие произведения связано с событиями второй чеченской войны, хотя история майора Жилина начинается гораздо раньше, во времена первой военной кампании, когда случайная встреча с Джохаром Дудаевым предопределила место героя в смертельно опасной точке пересечения геополитических интересов. Именно тогда, брошенный на произвол судьбы высокими командирами, спасающими собственную жизнь, майор оказался единственным офицером, охраняющим до отказа набитый оружием склад, расположенный на неподконтрольной федеральным войскам территории. Герой принял правила, навязанные «рыночной» войной, и даже открыл в себе талант бизнесмена.

Способности «мирщика» и переговорщика выявились у героя не сразу и не безболезненно. Это случилось после истории в Ялхой-Мохи, когда он, едва не сгоревший заживо, облитый своим же бензином, сказал себе «стоп»: *«Не та война, майор, чтобы бросаться жизнью»* [Маканин, 2018, с. 26].

«Бензиновый король» майор Жилин снабжает горючим обе воюющие стороны, оставляя за собой каждую десятую бочку в качестве оплаты за сохранность груза. Это рискованное предприятие, цена которого измеряется не так цистернами с горючим, как человеческой жизнью, требует от героя выдержки и самообладания. *«...Я не вояка»* [Маканин, 2018, с. 26], — аттестует себя майор, разруливая, казалось, безнадежные ситуации и стараясь свести к минимуму потери с обеих сторон. На заработанные, *«НЕ шальные и НЕ легкие»* [Маканин, 2018, с. 127] деньги Жилин строит дом для своей семьи на берегу неназываемой русской реки.

В странной «горной войне» понятия «товар», «торг», «торговля», «деньги», «доллары», «навар», «рынок», «такса», «торгаши», кажется, потеснили традиционные «патриотизм», «честь», «доблесть» и «благородство». Происходящее, скорее, бизнес, большое кровавое торжище, где нет места подвигу, чувству долга и величию духа, где все имеет свою цену, где вопросы, «сколько стоит твой российский солдат» и «сколько стоит твой чеченский старик», важны для определения эквивалента обмена: *«Обмен вместо обстрела из кустов. Обмен вместо отрезания голов...»* [Маканин, 2018, с. 56].

Очень точно и глубоко смертоносную связь крови и денег отражает бог войны, он же «заглавный идол» горцев в виде «громадной двурукой птицы» по имени Асан: то ли порождение фантазии «читающего генерала» Базанова, то ли плод его псевдоисторических изысканий. Мифологический Асан, генетически восходящий к фигуре Александра Македонского, становится одной

из ипостасей майора Жилина, его очередным именем: Александр Сергеевич, Саша, Сашик, Асан Александрович, Асан.

Сложность «травматического текста» [Ақундинов, 2009] Маканина связана прежде всего с личностью главного героя¹, художественное решение которого отвечало концептуальной авторской установке на «зрение, внимательное одновременно и к человеческой социальности, и к духовному зерну» [Роднянская, 2006, с. 618] и было серьезной отсылкой к русской классической литературе, в том числе в аспекте прочтения кавказской темы. Имя главного героя, как и его приятеля Костыева, вызывает ассоциации с «Кавказским пленником» Л. Н. Толстого и в то же время полемизирует с ним. Новое время рождает новых героев, сохранивших человеческие качества в условиях, максимально их обесценивших.

Сложный повествовательный дискурс романа не только выдает расщепление героя на «внешнего» и «внутреннего», «интуитивного» и «рационального», «офицера» и «торгаша», но и вроде бы очевидное посягательство последнего на безоговорочное доминирование. Сашик-Асан распекает майора Жилина, по-армейски резко внушая ему «спасительные», хотя и не прописные на войне истины: *«Я даже спросил себя — почему ты, майоришка, такой заводной?.. ты что, крутой?.. Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка?.. Каждый день ждут... Война отдельно — ты отдельно. Запомни...»* [Маканин, 2018, с. 26].

Все попытки развести лики героя по полюсам добра и зла обречены на провал, что обусловлено как сложностью романских ситуаций, так и изменчивостью повествовательных планов, создающих синтетический образ рефлексующего персонажа: *«И, как всегда в минуту опасности, я перестал видеть себя (и ощущать себя) майором Жилиным — просто „я“. Я ехал. На нерве. На инстинкте...»* [Маканин, 2018, с. 17]. И ближе к концу романа: *«Я сделаю это. Майор Жилин сделает. Когда в рисковом деле, мое „я“ отступает. Я вижу себя со стороны... Уже не я, а майор Жилин кружил, мял ногами траву»* [Маканин, 2018, с. 459].

В первой сцене, когда герой, рискуя жизнью, спасает мертвецки пьяное пополнение, он всеми силами пытается убедить самого себя в коммерческих мотивах торга с полевым командиром Маурбеком и делает это настойчиво, усиленно, прямо-таки повелительно: *«Сейчас козырну... Пора? Это черт знает что! Я ведь думал о моем бензине. Все время о бензине. Исключительно о бензине... О бочках думал и о грузовиках... а меж тем выручал этих пьяных желторотых придурков»* [Маканин, 2018, с. 27].

Крайнее напряжение эпизода оттеняется выразительным рефреном, призванным передать готовность героя не только пойти на сделку с совестью, но и пожертвовать честью офицера. Многозначительные синтаксические конструкции, хотя и окольцовывают лихорадочные размышления Жилина, так и не замыкают их в круге бесчеловечно-циничных денежных расчетов. Более того, «стилистически окрашенная пунктуация» [Маркова, 2012, с. 37] указывает на сложность нравственной коллизии, пограничный характер которой отражает лексико-стилистический повтор и семантика лексемы «козырнуть»: не то расчет на внешний эффект, не то желание отдать честь.

Речевой поток выдает хотя бы временное, но все же весомое «главенство» не Сашика или Александра Сергеевича, а «майоришки». Жалость и сочувствие

¹ «Создание образа героя — главное, что мной двигало», — настаивал В. С. Маканин [Цит. по: Козлов, 2008].

оказываются нравственными составляющими не просто русского человека, но офицера. Как тут не вспомнить литературных предшественников героя с их исторически доказанным мужеством, благородством и человечностью.

Однако, по словам А. Бабченко, «война страшна не тем, что там отрывает руки-ноги. Она страшна тем, что там отрывает душу» [Бабченко, 2008]. У офицера Жилина на войне было два пути: убить или быть убитым. Третий открылся ему после первого и единственного уничтожения вражеской колонны со складским добром: *«И тогда же Бог упрекнул меня этой кашей и остановил меня. Не войой... Бог подсказал мне третий путь. С тебя хватит крови, майор Жилин... Ты не вояка и не мститель. Ты обычное честное дерьмо. <...> Продавай... Тебе не выжить иначе. <...> Твоя миссия!»* [Маканин, 2018, с. 253].

«Кровавый бардак», в котором существует герой Маканина, до предела накаляет ситуацию выбора, обостряет нравственное чувство и отзывается голосом совести. Это крайне болезненно в условиях жизни, «где рухнула шкала ценностей, где Бог и дьявол — вспомним Достоевского — устроились по соседски, уже не соперничая, а сотрудничая, сменяя друг друга на вахте» [Амусин, 2018, с. 263]. Духовная деформация не могла не коснуться майора Жилина, но его живая душа заявляет о себе практически во всех романских ситуациях, вызывая забытые, «ненужные» на войне чувства. История двух «контузиков» более других об этом свидетельствует: *«... Теперь во мне зашевелился, ожил, задергался живой, теплый комок сердца. Это мое сердце. Я слышу внятное чувство отцовства... И вполне осознаю, что буду этих ребят выручать завтра, послезавтра... Сколько понадобится»* [Маканин, 2018, с. 322].

Случайная гибель Жилина убийственно закономерна в контексте художественного целого и не раз предсказана повествовательно («ты не сразу сгниешь») и сюжетно («нечаянная» очередь рядового Алика Евского по Коле Гусарцеву). По наблюдениям К. Акундинова, «сцена „расследования случая с Гусарцевым“ — это античная трагедия. По страстному накалу догадки, по неотвратимой мощи фатума. Майор Жилин — это царь Эдип...» [Акундинов, 2009]. В гибели героя — неумолимая логика войны: Жилин расплачивается жизнью за неудавшуюся сделку с совестью. Добро и зло сосуществуют в герое в жесточайшей конфронтации, и его гибель в духовном смысле является его спасением.

Маканин определил авторскую сверхзадачу романа так: «...В этой вещи меня интересовала не столько чеченская война как таковая, а то, как на войне вдруг разыгрывается драма человеческой души. Не та драма, когда человек гибнет в силу случая. Драма — это когда человек взрывается изнутри. Его сердце разрывает то самое, чем он живет» [Александров, 2008].

По существу, трагическая судьба Жилина — история о том, как на войне «исходят травмы духа», и в этом контексте контуженными войной оказываются не так опекаемые майором солдаты, как он сам, «воюющий невоенный человек», втянутый в жестокое и бессмысленное военное противостояние.

Как ни парадоксально, но именно духовность героя, хотя и значительно поврежденная войной, определяет развитие романного действия, расстановку действующих лиц и характер отношений между ними. Между тем долгое время исследователи рассматривали Жилина как типичного «антигероя» русской литературы, писали о рыночно ориентированной «духовной деградации» персонажа [Демирал, 2018, с. 292–295], о «герое-авантюристе», «беспринципном бизнесмене» и «новом русском» [Середа, 2015, с. 263–267] или «неправедном стяжателе», который преследует исключительно «цель наживы на войне» и в котором маска Асана «вытравила все лучшее» [Вершинина, 2011, с. 24, 25].

Ограничиваться такими выводами — значит идти вразрез с логикой развития образа и пренебрегать сюжетными перипетиями, подчеркивающими сложность и неоднозначность многопланового персонажа, игнорировать многочисленные авторские подсказки, разбросанные в тексте и при внимательном к ним отношении составляющие четкую «геометрию» образа. Однако и отрицать духовную борьбу в душе многоликого героя бессмысленно.

Убийственная для майора деформация начинается тогда, когда строитель и в прошлом капитан инженерных войск первый и последний раз в жизни вынужденно продает оружие врагу. Не менее жестоким испытанием для героя оказывается необходимость прямого уничтожения этого самого врага. Во время боя в ущелье за Сержень-Юртом, когда выводили из засады колону, Жилин воспользовался пистолетом, единственным оружием, которое у него было, чтобы остановить чеченского пулеметчика, но не смог выстрелить в спину подоспевшему родственнику убитого, чей воющий плач и причитания на чужом языке были «слишком понятны» безо всякого перевода: *«Наверное, брат. Наверное, сын»* [Маканин, 2018, с. 167].

«Простое, незлое» сердце героя делает его беззащитным перед всепоглощающей злобой и яростью «гнилой войны». И даже маска скаредного «складаря» («просто деловой», «просто майор») не укрывает офицера от укуров совести. Майор, как никто, понимает правоту лейтенанта, убежденного, что *«малость жалости — единственное великое, что здесь, на этой войне, осталось»* [Маканин, 2018, с. 80]. Это качество, искони присущее русскому воинству, проявляется во многих романских ситуациях. Например, когда боевики, по преимуществу местные крестьяне, бросились спасать собственное село от угрожающе близкого пожара, никто из преследователей не стрелял по бегущим. Там, где, кажется, невозможно следовать ни жалости, ни заповедям, что-то удерживает боевые Ми-8 от бомбежек чеченских селений и заставляет чеченца Руслана, не скрывающего своей ненависти к федеральным войскам, помогать Жилину вызволять перепившееся русское пополнение.

Для Жилина неприемлем сам факт упоения войной, даже если речь идет о победах русского оружия. Ему чуждо надутое бахвальство в случае удачно проведенного боя, чуждо телевизионное лукавство с крупными планами сожженных танков и растерзанными телами полевых командиров: *«Они мне враги, знаю. Но их трупы мне неинтересны»* [Маканин, 2018, с. 88]. Солдаты Дудаева, помешанные на страсти к оружию, для Жилина «бесноватые», страшные в своей безумной одержимости. С ней сопоставима лихорадочная деятельность вездесущего подполковника Крийко, суетливого организатора сомнительных обменов, или воинственного полковника Дубравкина, который во время зачисток сжег чеченскую деревню.

Противовесом кровавой бойне в этой и других романских ситуациях для героя является природа с ее могущественной силой естественной красоты и умиротворения, а также высокое небо, синоним человеческого духа и символическое вместилище евангельских истин. Особенно остро небесное притяжение герой чувствует в минуты опасности, у черты, когда грань между жизнью и смертью становится почти неразличимой. В мирное время тяга к небу воплощается в горстке «журавлиных» домов, напоминающих небольшую стаю птиц перед взлетом, которые Жилин на пару с Костыевым возводили в Грозном, а также в несостоявшемся проекте дома-самолета для аэродромной obsługi. К слову, именно «журавлиные» дома спасли жизнь майора Жилина при встрече с Дудаевым.

Перемена места и деятельности в связи с началом новой войны воспринимается героем как насилие: «...*Меня выдернули из строительства и опять воткнули в склад*» [Маканин, 2018, с. 262]. Не вояка и не мститель, майор — вдохновенный созидатель, столь же мало приспособленный к прямому военному противостоянию, как и к кровавому, по существу, бизнесу. Неслучайно склады, которые по приказанию командования возводит герой вместо «в дым» разрушенных «летающих» домов-красавцев, так и остаются «вялотекущей» стройкой, чем-то похожей на жизнь главного героя: «*„Недострой“ похож на лабиринт. Кругом в полроста стены... Над головой небо...*» [Маканин, 2018, с. 85].

Это сходство находит подтверждение в символическом значении возникающих в описании пространственных образов. Особая роль лабиринта и стен определяется глубинными архаическими смыслами, вызванными к жизни рефлексией героя, непрерывной работой души, соединяющей небесный и земной план в обыденном и онтологическом смысле. Лабиринт указывает на одиночество, отверженность и греховную потерянность персонажа, опасность утраты духовных первооснов. Символический образ стены эксплицирует границы между жизнью и смертью (физической и духовной), свободой и подчиненностью внешней силе, выбором и его отсутствием. В контексте романа концептуально значимой оказывается также актуализированная образом стены антиномия «до и после», демонстрирующая неочевидную и сложную динамику внутреннего мира героя.

Нераздельное единство земного и небесного, хрупкость их жизненно важного равновесия поддерживает еще один значимый пространственный образ: это «лестница-временка» без перил, по которой герой поднимается на долгострой. Символические смыслы указанных образов выявляют главную нравственную проблему Жилина — неприятие навязанных обстоятельствами жизни и своего места в ней. Индивидуальное существование героя приходит в противоречие с его идеальными представлениями о предназначении человека. Неслучайно при этом, что стены долгостроя высотой «в полроста», а значит, все-таки над головой небо. Тем не менее лестница временная, а отсутствие перил подчеркивает небезопасность порыва вверх. Если связать значение указанного образа с идеей поиска выхода из лабиринта, предрешенность судьбы героя становится очевидной, хотя и неоднозначной.

Желание подняться ввысь, «добавить высоты», а не прагматический житейский расчет руководит Жилиным, когда он в телефонном разговоре с женой, проглатывая ком в горле и с трудом подбирая слова, пытается убедить ее изменить план строящегося дома и чуть подняться над вторым этажом: «*Душа взволновалась. И сердце подстукивало. (Я как строитель не вовсе умер.) Складской менталитет не все во мне задавил*» [Маканин, 2018, с. 46].

Автор отнюдь не спрямляет путь персонажа, бесстрашно фиксируя все повороты, стены и тупики внутреннего лабиринта, скрупулезно изучает «морфологию» души [Роднянская, 2006] человека в ситуации экзистенциального выбора.

Скрытая духовность обнаруживается в поэтике образа нечастой у Маканина вертикалью, направленной снизу вверх. Устремленность ввысь обнаруживается в уже упомянутых «романтических» строительных проектах, созерцании высокой луны, сокровенном ощущении близости неба, «высокой» траве, которую сознание героя фиксирует в самых экстремальных ситуациях торга или боя. Особенно заметной становится эта тенденция, когда речь заходит о кавказском ландшафте, в котором автор по уже сложившейся в его художественном мире традиции замечает не горы и возвышенности, но глубо-

кие, «омерзительно сырые», иногда «с опасным туманом» или охваченные огнем ущелья, склоны и даже неглубокие ямки, наподобие той, в которой оказался забывший камуфляж герой во время своего первого боя.

В системе ценностей майора Жилина — жена и дочка, старик-отец и строящийся дом, воспоминания о тихом Ковыльске на Урале, откуда он родом, и земляном подвале с соленьями. Милосердную, по сути, природу героя Маканина направляет воля Промысла, действие которого он по-своему распознает и не однажды про себя отмечает: *«Нечто было мне свыше. Щелк! Щелк!.. Это когда Бог со своих гениальных высот, снисходя к такому говну, как мы, вдруг звонко прищелкнет пальцами»* [Маканин, 2018, с. 229]. Проявление Промысла видится герою в судьбе подполковников Фирсова и Федорова, осужденных за то, что бросили склады и практически обрекли Жилина на смерть. Но главное — в истории собственной жизни, когда удалось уцелеть вместо того, чтобы быть убитым обезумевшими от вида оружия людьми Дудаева или попасть под суд за расхищенные склады и пособничество сепаратистам.

Бог и природа у Маканина сближаются не только по принципу отнесенности к духовным сферам, но и с точки зрения звукового восприятия мира, являющегося одной из метанарративных стратегий прозы писателя. По наблюдениям Т. Климовой, в творчестве Маканина «голос становится не одним только нарративным компонентом, но и нравственно-смысловой категорией: это и архетип, и стереотип, и образ („Голоса“), и внутренний раздражитель совести (чеховский колокольчик боли)» [Климова, 2010, с. 15]. Так, небесное «щелк, щелк», которое надо было услышать майору Жилину, эхом откликается в живой природе: *«И птички уже ожили на утренних ветках — щелк! щелк!»* [Маканин, 2018, с. 230].

Этот удивительный звук «в самом начале откровения» майор посчитал «Божьей подсказкой», к которой прислушался, за которую благодарил и которой следовал. Однако восприимчивость героя к направляющей «с Небес» заботе иногда принимала циничные формы и тогда возможность заработать на освобождении известной журналистки большие деньги тоже расценивалась как благоволение свыше: *«Все-таки там есть доброта»* [Маканин, 2018, с. 340]. Саркастическое замечание героя выдает не так его неверие в благодать Промысла, как горечь от осознания своего несоответствия замыслу. Неявный источник грубости героя — его большая совесть.

Промыслительные знаки в истории Жилина оттеняют динамику образа, подчеркивают драматизм раздвоения природы героя и предопределяют его романную судьбу: *«Ночь... Надо бы спать, а я все ворочаюсь... Я так и вижу ту духлую пачку денег. <...> Пачка в чьих-то руках и мне подмигивает... Какой-то знак свыше»* [Маканин, 2018, с. 338].

Может показаться странным, что упоминания о Боге, откровении, Промысле (последнее понятие присутствует в романе имплицитно, прямо не называется ни автором, ни героем) облачаются майором в неприемлемо сниженную речевую форму. Ситуация несколько проясняется, если учесть характер многочисленных и весьма нелицеприятных самоаттестаций или оценок героя со стороны, которыми буквально пестрит повествование, когда «к месту» оказывается и разговорная, и грубо-просторечная, и бранная лексика: «симпатыга-мужик», «майоришка», «дерьмо в камуфляже», «складское дерьмо». Несмотря на то что уничтожительные самоопределения Жилина корректируются впечатлениями друзей и врагов, они выдают внутреннюю неудовлетворенность героя, душевный надлом и сокровенные мысли *«про достоинство, про незримые погоны, которые носит каждый человек»* [Маканин, 2018,

с. 232]. Жилин бескомпромиссно честен с собой — и когда остро, со стыдом чувствует, что простаивающий без раненого Хворостинина бизнес жаль больше, чем самого Хвора, и когда иронично оценивает свои торгашеские способности: «... *Талантишко нам дается нашей же дозой. Человек на свой талантишко вдруг натывается, как на камень. А дальше — спаси и сохрани*» [Маканин, 2018, с. 229].

Нетривиальность маканинского повествовательного дискурса связана и с общей для современной литературы тенденцией к жанровым трансформациям: «Архаические модели и сюжетные структуры предоставляют современному писателю возможность преодолеть описательность и миметическую детализацию, чтобы сказать „о тайной глубине жизни“, избегая пафоса, риторики и дидактики» [Маркова, 2015, с. 21]. Показательно, что генерал Дудаев, рассказывая Жилину кавказскую притчу о волке и буланом коне, тоже «не изрекал и не поучал», несмотря на его любовь к высоким словам.

Уместно вспомнить также выводы И. Роднянской о «неолитературенном материале» (новые пласты среды, языка, психики и физиологии) [Роднянская, 2006, с. 603] и, главное, о «невозмутимо-снижающей интонации», которая у Маканина свидетельствует о «закоренелом духовном беспорядке» [Роднянская, 2006, с. 609].

В противовес способностям «деляги» и «барыги» живая душа героя обнаруживает себя то уколами совести, то прорывающимися через жестокость войны теплыми чувствами. Их вызывает не только перепившееся пополнение, контуженые «сынки» и солдатские матери, но и чеченские старики, «исчезающее чудо природы», дети-калеки, пострадавшие от бомбежек. В некоторых случаях сердечные движения оказываются сильнее, чем майор хотел бы, и тогда он не без самоиронии называет их «получувствами» и «чувствишечками». Так, даже разбитая в Мокром «неброская», маленькая и надежная колонна для Жилина наделена «настоящей душой», и ее жаль так же, как и прославленного Колю Гусарцева. Другое дело, что Жилин стыдится своих чувств, считает их слабостью, хотя и допускает жалость на войне. У героя сжимается сердце при виде контуженых «мальцов», он не в силах сдержать дрожь в руках, когда звонит в госпиталь раненому Хворостину, и почти не удивляется тому, что за Хвора переживает чеченец Руслан, не скрывающий своей ненависти к федералам. Однако для самого майора проблема позволительности жалости так и остается проблемой, хотя опыт войны и не доминирует в иерархии его жизненных ценностей.

Контролировать чувства оказывается тем более непросто, что определения «свои» и «чужие» кажутся слишком прямолинейными и почти непригодными на «гнилой и лукавой горской войне». Контрастное сведение антиномических понятий получает трагическое разрешение в сцене гибели героя, получившего смертельное ранение от руки «своего» солдата, «сынка».

Ограниченность жесткого разделения становится особенно очевидной в пограничных ситуациях, когда преходящее, скоротечное уступает место вечному, демонстрируя условность военной модели мироустройства. Законы духа не те законы, которыми руководствуются на войне в первую очередь, но они то и дело заявляют о себе в мироощущении маканинского героя: «*Я представил себе наши души, взлетающие на небо... Разнобоговые! Воинственные души!.. А по сути — детские воздушные шары разных расцветок*» [Маканин, 2018, с. 82].

По этой причине майор с «натугой» верит в героев. Он искренне восхищается смелостью знаменитого майора Хворостинина («*прямо Чапаев или*

Чкалов»), но понимает сложность своего места и роли в затянувшемся противостоянии: *«Разумеется, всякий не прочь побыть орлом в этой жизни. И я тоже не прочь. Но, увы, сначала надо дожить жизнь майором Жилиным»* [Маканин, 2018, с. 71]. «Складскому» человеку открылась неожиданная и не всем видимая «параллель бензина и бесстрашия». Бизнес оказался способом выживания, а денежные интересы — его обязательным атрибутом.

Ничуть не обольщаясь на свой счет, майор не чужд понятий греха и греховности. Он, как никто, знает, насколько не безусловно расхожее мнение, что на войне все можно. Понятие греха напрямую связано с амбивалентностью души героя. Драматическое противостояние «деляги» и майора особенно красноречиво в эпизоде с решением вопроса о необходимости сверхпланового вылета полковника авиации Василька. В трудных случаях именно он прикрывал колонны с бензином полетами «сверх», о которых не знали «штабисты». Проплаченным оставался один-единственный вылет, который можно было истратить либо на сопровождение «лупоглазого» пополнения, с которым майор планировал отправить в часть контуженых «сынков», либо, как обычно, на обеспечение безопасного прохождения по опасному месту колонны с бензином, соляркой и мазутом. Сложнейшее противостояние жалости и жадности вроде бы закономерно заканчивается победой человечности и спасительным для солдат звонком Васильку: *«Внезапным движением руки я вдруг разом снимаю с себя тяжесть. (Снимаю умолчание. Грех умолчания.)»* [Маканин, 2018, с. 418].

Однако вместо ожидаемого в подобных случаях облегчения искореженная «абсурдной» войной душа «складаря» испытывает свирепый приступ жадности и необъяснимое чувство стыда. Самооценка рефлексирующего героя как бы корректируется со стороны. При этом выстраивается принципиально безапелляционный характерологически значимый ряд самоаттестаций: *«Ну, да, да, да, не все измеряется в деньгах... Знаем... <...> Почему-то стыдно. Я вижу себя вполне отстраненно. Сорокалетний крепкий мужик майор Жилин, хозяин складов... Хозяин войны... А слабинка обнаружилась. Еще какая!»* [Маканин, 2018, с. 419].

В этой «слабинке» — нерв романа и отзвук духовного заряда русской классики с ее любовью к ближнему, сострадательной жертвенностью и отрицанием блаженства, купленного ценой слезинки ребенка. Связь образа майора Александра Сергеевича Жилина, «правильного мужика» и «складского человека», с традициями литературы XIX в. осуществляется сложно, многоаспектно и неоднозначно. Нацеленность на новаторское или полемическое прочтение традиции — один из системных элементов поэтики романного образа.

Концептуальные у Маканина мотивы детства и юроства в «Асане» получают сразу несколько образных воплощений, которые по-своему подсвечивают важнейшие повороты сюжета и характер главного героя. Неслучайно сразу за эпизодом с решением вопроса о неучтенном вылете следует воспоминание Жилина о больном мальчике Гиви, сыне хозяйки, у которой они с женой снимали комнату во время отпуска в Грузии. Слабоумный от рождения подросток¹ отличался повышенной душевной отзывчивостью, которую щедро распространял на все живое. Однажды после услышанного прогноза погоды он затеял спасение мандаринов, которые могли замерзнуть ночью. Оберегая фрукты, мальчик заботливо заворачивал их в обрывки газет, а потом укрыл ящик старыми одеялами и подоткнул края под плоды: *«Слабоумный паренек*

¹ Герой очень напоминает сына Ключаревых из «Лаза».

бережно трогал плоды руками. Едва касался... Еще и шептал что-то скороговоркой. Просьбу нашептывал... К небесам... я слышал слова, невнятные, но, несомненно, в сторону неба. Сладкие строчки молитвы» [Маканин, 2018, с. 420]. Подавивший последние «уколы» жадности Жилин наблюдает вертолеты в воздухе и думает о себе: *«Маленький Гиви укрыв мандарины»* [Маканин, 2018, с. 421].

Оберегаемые майором рядовые Олег и Алик, контуженные «шизики», тоже юродивые, тоже дети, взрослые «больные дети». В наличии и «слезинка ребенка», которая в романе обретает форму паталогического слезотечения из левого глаза рядового Евского, и обесценивание этого мотива: *«Что им наши слезы!..»* [Маканин, 2018, с. 445]. Но, главное, история с травмированными войной солдатами — момент истины для героя, обнаруживающего тщательно скрываемую даже от самого себя духовность: *«Я успеваю (молчком) подумать, может, все-таки сдать их? <...> Нет-нет, майор Жилин не сдаст пацанов. Майор Жилин выручит их. (Я успеваю подумать, зачем мне все это? А ни за чем. Вот так и посылает Бог нам идиотиков ... больных... несчастных... Чтобы проверить нас на вшивость души.)»* [Маканин, 2018, с. 336]. Не менее выразителен финал «Асана», когда умирающий герой отказывается назвать невольного виновника трагедии, отделяваясь дежурным и таким привычным на войне «нас обстреляли».

Заключение

В «серединном герое» «Асана» налицо не только расслоение личности, но и синтетический литературный тип, в котором угадываются черты «ведущих», «авторских» героев Маканина, в числе которых И. Роднянская определила сотрудника технического НИИ Ключарева и литератора Игоря Петровича [Роднянская, 2006, с. 644]. С первым Жилина роднит принадлежность к инженерным войскам, со вторым — генетическая предрасположенность к созиданию («потомственный строитель»), с обоими — роль «связного» между толпой и утраченной ею глубиной жизни и между той же толпой и творческим началом. Символическая семантика образа обретает в повествовательном поле романа отдельное существование в облике мифологического бога войны. Созидание и разрушение сведены в герое воедино, находятся в постоянной внешней и внутренней конфронтации, разрешаясь подчеркнуто парадоксально: смерть майора разом обнуляет всевозможные материальные устремления, но не становится препятствием в спасении контуженных солдат.

Таким образом, «Асан» — роман о странной войне и циничной власти денег, но, главное, это роман о человеческой душе, заявляющей о себе в самых неблагоприятных внешних обстоятельствах. В противовес «безупречным» героям Маканина благая, по существу, природа майора Жилина питается верой и любовью к семье, нуждается в красоте и заботе о ближнем, хотя и повреждается циничными законами странной войны и навязанного обстоятельствами кровавого торга-обмена. Неоднозначный, структурно и семантически сложный образ синтезирует «авторские» доминантные типы в новой модели характера и поведения. Идею живой души в романе поддерживают сложный повествовательный дискурс, концептуальные мотивы и символические образы, а также мощнейшая литературная традиция, заключенная в ономастическом, сюжетном и архетипическом пластах произведения.

¹ Сама собой напрашивается аналогия с творчеством Ф. М. Достоевского.

Список источников

Акундинов К. Владимир Маканин. «Асан». Операция без наркоза [Электронный ресурс] // Литературная Россия. № 2009/4. 2015. 23 февр. URL: <https://litrossia.ru/item/3280-oldarchive> (дата обращения: 21.07.2025).

Александров Б. Владимир Маканин: Самый активный период чтения в 20–25 лет [Электронный ресурс] // Российская газета. 2008. № 4678. 5 июня. URL: <https://rg.ru/2008/06/05/makanin.html> (дата обращения: 30.07.2022).

Амусин М. Гроссмейстер Маканин // Дружба народов. 2018. № 2. С. 255–265.

Бабченко А. Фэнтези о войне на тему «Чечня» [Электронный ресурс] // Новая газета. 2008. 4 дек. URL: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/12/m167240.htm> (дата обращения: 30.07.2022).

Вершинина М. А. Автор и герой в прозе В. С. Маканина 1990–2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 27 с.

Демирал Х. Духовная деградация «человека культуры» в романе В. С. Маканина «Асан» // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83). С. 292–295.

Егоренкова Г. Мы пришли в этот храм // Москва. 1998. № 1. С. 190–203.

Климова Т. Ю. Метанарративные стратегии в прозе В. Маканина // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. № 340. С. 12–16.

Козлов В. Проверка на дорогах [Электронный ресурс] // Эксперт. 2008. 24 нояб. URL: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/11/m165855.htm> (дата обращения: 20.07.2025).

Козлов В. Экзистенциальный задачник // Русская литература на рубеже XX–XXI веков. М.: Журн. «Вопросы литературы», 2011. С. 83–93.

Латынина А. Притча в военном камуфляже // Новый мир. 2008. № 12. С. 163–170.

Маканин В. С. Асан. М.: Э, 2018. 480 с.

Маканин В. С. Кавказский пленный // Собр. соч. : в 4 т. М.: Материк, 2003. Т. 4. С. 350–374.

Маркова Т. Н. Пути жанровых трансформаций в русской прозе рубежа XX–XXI вв. // Метаморфозы жанра в современной литературе : сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 11–41.

Маркова Т. Н. Русская проза рубежа XX–XXI веков: трансформации форм и конструкций (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2012. 340 с.

Роднянская И. Б. Движение литературы. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006. Т. 1. 712 с.

Середа И. А. К вопросу о типологии героев в прозе В. Маканина // Антимардонг : сб. науч. ст., посвященный 70-летию проф. И. С. Скоропановой. Минск: РИВШ, 2015. С. 263–267.

References

Akundinov, K. (2015). Vladimir Makanin. “Asan”. Surgery without anesthesia. *Literary Russia*, no. 2009/4, February 23. Available at: <https://litrossia.ru/item/3280-oldarchive> (accessed 21 July 2025). (In Russian).

Alexandrov, B. (2008). Vladimir Makanin: The most active reading period is between the ages of 20 and 25. *Russian Newspaper*, no. 4678. Available at: <https://rg.ru/2008/06/05/makanin.html> (accessed 30 July 2022). (In Russian).

Amusin, M. (2018). Grandmaster Makanin. *People’s Friendship*, no. 2, pp. 255-265. (In Russian).

Babchenko, A. (2008). Fantasy about the war on the theme “Chechnya”. *New Newspaper*, December 4. Available at: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/12/m167240.htm> (accessed 30 July 2022). (In Russian).

Demiral, Kh. (2018). Spiritual degradation of the “man of culture” in V. S. Makanin’s novel “Asan”. *Philological Science. The Questions of Theory and Practice*, no. 5 (83), pp. 292-295. (In Russian).

- Egorenkova, G. (1998). We came to this temple. *Moscow*, no. 1, pp. 190-203. (In Russian).
- Klimova, T. Yu. (2010). Metanarrative strategies in V. Makanin 's Prose. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 340, pp. 12-16. (In Russian).
- Kozlov, V. (2008). Checking on the roads. *Expert*, November 24. Available at: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/11/m165855.htm> (accessed 30 July 2022). (In Russian).
- Kozlov, V. (2011). Existential Problem Book. *Russian literature at the turn of the 20th-21st centuries*. Moscow, Journal "Literature Questions", pp. 83-93. (In Russian).
- Latynina, A. (2008). A parable in military camouflage. *New World*, no. 12, pp. 163-170. (In Russian).
- Makanin, V. S. (2003). Caucasian prisoner. *Collection of works*: in 4 vols. Moscow, Mainland, vol. 4, pp. 350-374. (In Russian).
- Makanin, V. S. (2018). *Asan*. Moscow, E, 480 p. (In Russian).
- Markova, T. N. (2012). *Russian prose of the turn of the 20th-21st centuries: transformations of forms and constructions (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 340 p. (In Russian).
- Markova, T. N. (2015). The ways of genre transformations in Russian prose the turn of the 20th-21st centuries. *Metamorphosis of genre in modern literature*. Collection of scientific articles. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, pp. 11-41. (In Russian).
- Rodnyanskaya, I. B. (2006). *The movement of literature*. Moscow, Sign, Languages of the Slavic Culture, vol. 1, 712 p. (In Russian).
- Sereda, I. A. (2015). On the question of the typology of heroes in V. Makanin 's prose. *Antimardong*. Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of professor I.S. Skoropanova. Minsk, Republican Institute of Higher Education, pp. 263-267. (In Russian).
- Vershinina, M. A. (2011). *Author and hero in the prose of V.S. Makanin 1990-2000s*. Abstract of PhD thesis. Volgograd, 27 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Гудзова Ярослава Олеговна — докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>, disava@yandex.ru

Information about the Author

Yaroslava O. Gudzova — Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Department of Humanities, <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>, disava@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.07.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 16.01.2026.

The article was submitted 26.07.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 16.01.2026